

ПРИАЗОВСКАЯ

РѢЧЬ

ВЪ ЕЙСКЪ, КУБ. ОБЛ.

Политико-экономическая и литературно общественная газета.

Подписная цѣна

съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р.,
на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р.
на 1 мѣс. 75 к.

Цѣна объявленій.

Для городскихъ: впереди текста за строку петита—
15 коп., послѣ текста по 10 коп. за строку.

Для иногороднихъ: впереди текста за строку петита
—20 коп., послѣ текста по 15 к. за строку. Среди
текста (2 и 3 стр.)—25 к. строка для гор. и иногор.
Стороннее сообщеніе 50 коп. за строку.

Лица ищущія труда платятъ за каждое объявленіе
позади текста въ 6 строкъ по 20 коп. за разъ.
За разсылку прилож. по 4 р. съ тысячи.

Статьи и корреспонденціи, присланныя для помѣщенія въ газетѣ
должны быть за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего они
печататься не будутъ. Въ случай надобности, редакция исправляетъ
и сокращаетъ статьи. Рукописи, признанныя редакціей неудобными
къ печатанію, не возвращаются.

Статьи безъ обозначенія условій считаются безплатными.

Редакция открыта для объясненій, кромѣ праздниковъ
отъ 1—3 час. дня. Контора открыта съ 9 час. утра
до 7 час. вечера.

Адресъ конторы и редакціи:

При тип. „ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО“ Г. І. Тохова.
Ставропольская ул. д. Хохловой. Телефонъ № 55.

Выходитъ ежедневно (кромѣ дней послѣпраздничныхъ.)

Чеховъ-Чехонте.

Въ первое время своего творчества, когда Антонъ Павловичъ писалъ въ «Будильникъ», «Стрекозъ», «Осколкахъ», «Новомъ Времени» и «Петербургской Газетъ» Чеховъ-Чехонте (его псевдонимъ) поражалъ насъ жизнерадостью, избыткомъ смѣха и юмора. Смѣхъ, юморъ въ его рассказахъ такъ и играютъ, такъ и рвутся.

Въ этихъ рассказахъ Чехонте какъ бы не задумывается еще надъ тѣмъ ужасомъ жизни, который всю ее проникаетъ.

Молодость, жизнерадостность идутъ мимо печальной стороны жизни, идутъ спокойно мимо того, что навѣрно остановило бы человѣка болѣе пожившаго и уже вкусившаго отъ горечи жизни.

Характерными произведеніями для этой поры творчества, поры какъ бы безпечальнаго взгляда на жизнь, являются слѣдующіе его рассказы: «Въ банѣ», «Сирена», «Беззаконье», «Счастличикъ», «Злой мальчикъ», «Канитель», «Тайна», «Антрепренеръ подъ диваномъ», «Капитанскій мундиръ», «Винтъ» и многіе другіе.

Насколько онъ былъ жизнерадостнымъ, впечатлительнымъ, богатымъ на темы всевозможныхъ рассказовъ, которые у него такъ и рвались изъ подъ пера на бумагу, это видно изъ воспоминаній нашего великаго гражданина-писателя Владиміра Галактионовича Короленко.

Приведемъ это характерное мѣсто полностью.

Знаете, какъ я пишу свои маленькіе рассказы? Вотъ...

Онъ оглянулъ столъ, взялъ въ руку первую попавшуюся въ глаза вещь, это оказалась пенельницей, поставилъ ее предо мной и сказалъ: «Хотите, завтра будетъ рассказъ «Пенельница», и его глаза засвѣтились весельемъ. Пенельницы, кажется не появлялось, но зато появилось масса мелкихъ рассказовъ, такъ и брызжущихъ смѣхомъ.

Этотъ неподдѣльный смѣхъ и какъ бы безразличное отношеніе къ жизни и заставило одного изъ крупныхъ нашихъ критиковъ (Н. К. Михайловскаго) произне-

сти слѣдующую характеристику его первой поры творчества: «Чеховъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ направляетъ превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на музу и слона, на слезу и воду»».

Да и Н. К. Михайловскій такъ много сдѣлавшій для просвѣтленія общественной мысли, такъ болѣвшій всѣмъ нашимъ нестроеніемъ россійской жизни; всю жизнь боровшійся съ мракомъ, такъ прочно засѣвшимъ въ «Новомъ Времени», разумѣется, иначе и не могъ относиться. Одно уже его брезгливое отношеніе къ г-дамъ Буренинымъ, Меншиковымъ, Розановымъ и прочимъ гасителямъ истины не могло настроить его на полное безпристрастіе.

Тратить такія громадныя творческія силы, какія были у Чехова на мелочи, казалось ему прямо-таки обиднымъ. Но все же этотъ отзывъ нѣсколько несправедливъ и объясняется скорѣе всего повышенной чуткостью ко всѣмъ печальнымъ сторонамъ жизни, что такъ характеризуетъ умныхъ и благородныхъ людей, съ большимъ житейскимъ опытомъ. Вѣдь сказано въ св. писаніи:

«Потому что во многой мудрости и много печали, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь». (Кн. Эклезіаста, гл. I). Вотъ, намъ, кажется, источникъ отрицательнаго отношенія къ первому періоду творчества Чехонте.

Но присматриваясь даже къ первымъ произведеніямъ, нельзя не уловить грустныхъ нотъ и въ нихъ.

Вспомнимъ вкратцѣ содержаніе рассказовъ: «Капитанскій мундиръ» и «Винтъ».

Портной Меркуловъ шьетъ капитану мундиръ. Какъ съ благороднаго заказчика онъ считаетъ чѣмъ то подлымъ и глупымъ попросить не только задатокъ, но и денегъ на сукно. Поэтому онъ, поколотивши изрядно свою жену,—вырываетъ у нея деньги, вырученные отъ продажи коровы. Покупаетъ сукно, шьетъ и песетъ. Приходитъ домой. «Съ полученіемъ васъ, Трифонъ Пантелеичъ»—встрѣтила его жена.

«Ну, и дура! Нешто настоящіе господа платятъ сразу? Это не купецъ какой-нибудь—взялъ да и сразу вывалилъ! Дура»... Цѣлый мѣсяцъ ходилъ онъ къ капитану и вмѣсто денегъ получалъ приглашеніе убираться къ чорту и прійти въ субботу. Наконецъ, идя вмѣстѣ съ женой, они встрѣчаютъ около трактира «веселіе» капитана, гнавшася съ кіемъ въ рукахъ за какимъ-то штатскимъ. Здѣсь жена, злой геній его, опять пристала къ нему: «Проси денегъ». Капитанъ сталъ гнать. Меркуловъ сталъ приставать. Капитанъ весь вскипѣлъ и ударилъ такъ, что со спины его посыпался уголь, который онъ несъ, а шапка выпала.

Меркулову, казалось, того только и нужно было, и онъ, обратившись къ женѣ, говоритъ:

«Сейчасъ видать настоящихъ господъ! Люди деликатные, образованные... Гочъ въ точъ бывало, по самому этому мѣсту, когда носилъ шубу къ барону Шугцелю, Эдуарду Карлычу..

Размахнулись и—трахъ!... Эхъ, прошло, жена, мое время! Не понимаешь ты ничего! Прошло то время! Меркуловъ махнулъ рукой и, собравъ уголь, побрѣлъ домой.

Вотъ, онъ рабъ не застрахъ, а за со-
бѣсть.

Казалось бы къ мировому за самоуправ-
ство и неплатежъ заработанныхъ денегъ!
Но куда? Онъ искренно жалѣеть о тѣхъ
блаженныхъ временахъ, когда онъ былъ
ничто. Или вотъ: прелестный рассказъ
«Винтъ».

Чиновникъ г. Пересолинъ проѣзжаетъ
полѣ театра мимо правленія, рулевымъ
котораго онъ былъ; замѣчаетъ огонь, за-
интересовывается и заходитъ. За сто-
ломъ, заваленнымъ большими счетными
листами, сидятъ 4-ре чиновника и игра-
ютъ въ винтъ.

Прислушиваясь, онъ вдругъ слышитъ:
«Я пошелъ бы съ Поганкина, а у Ивана
Андреича Пересолинъ на рукахъ». Даль-
ше пошли опять фамиліи знакомыхъ чи-
новниковъ разныхъ вѣдомствъ.

Заинтересованный въ конецъ, онъ захо-
дитъ къ нимъ въ комнату. Конечно страш-
ный переполохъ. Кое какъ ему удается ус-
покоить и убѣдить одного изъ нихъ,
Звѣздулина, рассказать суть игры.

Звѣздулинъ, кое-какъ оправившись
отъ страха, говоритъ: «Каждый портретъ,
какъ и каждая карта, имѣютъ значеніе.

Чиновники казенной палаты—черви,
губернскаго правленія—трефы, служащіе
по министерств. народн. просвѣщенія—
бубны, а пики—чиновники государств.
банка.

Дѣйствительные статскіе совѣтники—
тузы, и т. д.

Заинтересованный такими оригиналь-
ными картами, Пересолинъ садится иг-
рать. Когда въ 7 час. утра пришелъ сто-
рожъ Назаръ, чтобы подмести полъ, то
расходившійся Пересолинъ усылаетъ сто-
рожа, и игра продолжается.

И въ самомъ дѣлѣ, когда же забитому
всяческой дисциплиной мелкому чиновни-
ку и отыгаться на начальствѣ, если да-
же утерять такой рѣдкій случай игры съ
оригинальными картами. Самъ Пересо-
линъ, тоже былъ, очевидно, радъ свести
счета со всякими тузами, а то и рашки
себѣ, по разныхъ вѣдомствъ. Какой тутъ
рѣдкій случай поострить надъ всякими

начальствомъ! Хватило бы только пороку!
Такъ и вспоминается выраженіе одно
го изъ игроковъ у Гоголя: «А я его по
усамъ».

КАЗАКЪ.